

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09(=511.132)"1930/1950"

В. А. Лимерова, М. А. Литовская

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО РОМАНА В КОМИ ЛИТЕРАТУРЕ 1930–1950-Х ГОДОВ*

Рассмотрена жанрово-содержательная специфика историко-революционного романа на национальном (коми) материале; предложена версия, что в 1930-е гг. эта жанровая разновидность сформировалась на пересечении двух интенций: символического выравнивания центра и периферии в СССР, создания единой для всего государства истории и тяготения национальных авторов к этнографическому самоописанию, в основе которого лежит народоведческий очерк. Особое внимание уделено русскому переводу итогового варианта романа Василия Юхнина «Алая лента», как первому завершённому образцу коми историко-революционного романа, положившему начало традиции.

Ключевые слова: коми советская литература, жанровая система социалистического реализма, историко-революционный роман, Павел Доронин, Василий Юхнин.

Исторический роман при всех различиях в подходе к нему [см., напр.: 1. С. 24–32] рассматривается как предметно-тематическая разновидность романа, имеющая установку на вымысел, сориентированная на изображение и осмысление достаточно отдаленного прошлого, описание подлинных исторических событий или исторических лиц. Поскольку центральным событием всемирной истории в ее советском варианте считалась Великая Октябрьская социалистическая революция, то в СССР разрабатывается разновидность исторического романа, в котором сюжетной основой станет история подготовки и проведения социальной революции, и в критике он получит название историко-революционного романа (далее – ИРР) [11; 7].

Центральные события в нем связаны с разворачиванием революционной агитации и ростом классового революционного самосознания. Основой фабулы является история нескольких героев на фоне развивающихся революционных событий. Персонажи, изначально принадлежащие к одной социальной ячейке

* Работа выполнена при поддержке Программы УрО РАН «Традиции и новации в истории и культуре», проект № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.».

(например, семье или сельской общине), размещаются таким образом, чтобы сделать наглядными социально-классовые противоречия дореволюционного мира и подчеркнуть необходимость его революционного преобразования.

ИРР играл важную роль в процессе индоктринации советского варианта истории. Будучи, в известной степени, просвещающим жанром, он выполнял в обществе также нормирующую функцию и должен был показывать сходство процессов революционизации в разные времена и в разных точках социального пространства России. Еще одной важной, хотя прямо и не проговариваемой идеологической функцией ИРР было символическое выравнивание государственного центра и периферии. Жанр помогал создавать единую для всего СССР историю нарастания революционных настроений в обществе, подчеркивающую общность процесса в «центре» и «на местах», в том числе и на так называемых национальных окраинах.

Национальное проще всего было эксплицитно выразить через описание специфических колоритных черт уклада того или иного народа. Особая роль в изображении революционизации окраин отводилась историческому самоописанию, когда «национальный» писатель изображал «пробуждение» своего народа. Доскональное знание особенностей уклада жизни, культуры конкретного народа, написание географических названий и имен героев позволяли создавать образ многонационального государства, этническая специфичность которого не мешала идеологической общности. ИРР на национальном материале обогащали новыми нюансами российскую историю, в то же время демонстрируя читателю единство советского социума.

Авторы литератур, которые относительно недавно начали развиваться как письменные, оказались в ситуации, когда государственные издательства приветствовали появление ИРР, написанных представителями «национальных меньшинств». Публикацию ИРР активно поддерживали местные власти: роман негласно считался вершинным жанром, который необходимо иметь каждой состоявшейся национальной литературе, а уже существующие образцы ИРР, ввиду его сюжетной регламентированности, было несложно освоить даже неопытным писателям.

Кроме того, этот жанр потенциально обладал привлекательным для «местных» авторов свойством: его объем и структура позволяли широко включать хорошо знакомый им этнографический материал и сделать его достоянием широкой аудитории. Хотя главное достоинство ИРР официальная критика видела как раз в том, что все внимание писателя сосредоточивается «на передаче идейного содержания... движения», а не на *личных взаимоотношениях героев, быте и нравах эпохи* [14. С. 24], можно предположить, что, в частности, для писателей коми задача исторического и этнографического самоописания была первостепенной. Авторы не заявляли об этом открыто, но содержание романов, а также поводы для их критики указывают на эту задачу и попытки ее последовательного решения.

Об этом красноречиво свидетельствует, например, роман Павла Григорьевича Доронина «Парма сълбӧмын» («В сердце пармы») – первая в коми советской литературе попытка создать панорамное полотно о революционном переустройстве народной жизни. В 1936 г. 29 глав этого романа опубликовал республиканский журнал «Ударник». По утверждению И. В. Изъюрова, работавшего в то время в местном книжном издательстве, вторая часть этого романа была уничтожена автором в период, когда начались аресты коми писателей.

По всей видимости, П. Г. Доронин предполагал создать крупное произведение о событиях Гражданской войны, бывших предметом его особого исследовательского интереса. Опубликованная часть романа представляет собой пролог к основному действию: намечены персонажи, которые должны были, видимо, оказаться по разные стороны баррикад; показана жизнь дореволюционной коми деревни, погруженной до времени в мирные семейно-бытовые заботы. Нет сомнения, что замысел доронинского романа не расходился с утилитарной задачей ИРР: изобразить жизнь «в ее революционном развитии». Журнальная публикация романа вызвала в целом положительные отклики: сказалось ожидание большого жанра, без которого коми литературе грозила квалификация незрелой. Местная критика увидела в романе желаемое: «судьбу крестьянской семьи, которая не видит в жизни никакого просвета, тянет тяжелую лямку деревенских работ и которую эксплуатируют кулаки, купцы, чиновники и другие сельские тузы» [13. С. 16]. Однако не остались незамеченными «излишнее» увлечение писателя бытовой стороной жизни коми деревни, невысокая социальная активность героев и нечеткость идейного вектора [13. С. 16; 9. С. 259].

Перечисленные так называемые излишества и недостатки шли, скорее всего, не от идейной или творческой незрелости писателя. Социальный заказ был хорошо им усвоен, что выразилось в оценках Дорониным истории, народного искусства и литературы коми. Одновременно с работой над романом он собирает материалы о крестьянских волнениях в Коми крае XIX в., пишет статьи и книгу о «первом певце горя, страданий и лучших чаяний народа» И. А. Куратове [4. С. 4], занимается сбором и публикацией сказочного фольклора, имеющего, по его словам, классовую направленность. Каждое выступление в печати используется Дорониным для защиты коми от его врагов – «буржуазных националистов, преднамеренно и злобно клеветующих на целый народ и готовых очернить лучших его представителей» [2].

Критиков Куратова и коми народа Павел Доронин уподобляет дореволюционным «великодержавным казенным историкам», которые «не отвели коми народу места в истории, они заявляли, что инородцы, бродящие в лесных дебрях и необъятных тундрах, ... не могут творить крупных дел, достойных истории, ... что север и северо-восток России, заселенный инородцами, никогда не знал рабства, крепостной эксплуатации, что он издавна был заселен свободными охотниками, рыболовами и хлебопашцами...» [4. С. 5]. Доронин явно умышленно сводит эмоционально противоположные оценки народного прошлого, выстраивая причинно-следственную связь классовой борьбы и самого существования народа: если без классовой борьбы нет народа, значит, коми народ имеет историю классовой борьбы, в доказательство чего он дает подробные разъяснения и примеры, каким образом осуществлялась классовая эксплуатация «свободных коми охотников, рыболовов и хлебопашцев».

Рассуждения писателя перекликаются с событиями романа «В сердце пармы», во многом проясняя его замысел: показать, что история не сделала исключения для коми народа, жизнь которого была полна социальных противоречий; что и на Севере в недавнем прошлом полным ходом шло закабаление охотников и рыболовов местными кулаками и скупщиками, а вынужденное отходничество было ничем иным, как формой эксплуатации беднейших слоев коми крестьянства.

Однако в самом романе на первом плане не назревающие в народной среде классовые конфликты, а изображение бытовой стороны крестьянской жизни

и картин природы. Вряд ли в этом проявлялась оппозиционность писателя к искусству соцреализма. Доронин решал свою задачу: он писал первый роман на коми языке, старательно осваивая романную форму с ее аналитическим вниманием к действительности, опираясь на хорошо известный ему жизненный материал. В результате типичные для ИРР коллизии противоборства разных социально-классовых групп, народных представителей и власти, отцов и детей присутствуют в романе в «снятом» виде. Изображаемое Дорониным сельское общество изображено как однородное социально-хозяйственное целое, противоречия между отдельными героями не обретают классового звучания. Кроме того, автор внимателен к нетипичному для ИРР конфликту на религиозно-конфессиональной почве между местными жителями, сохраняющими прадедовскую старообрядческую веру, и священником-никонианином Ключковым, разъезжающим с «новой проповедью» по печорским селам. Роман даже снабжен прологом: своеобразной исторической справкой о том, как в 1770-е годы заселялись верховья Печоры, и на месте впадения Мылвы в Печору появилось первое село коми крестьян-староверов Мылдин.

В итоге роман изображает не идиллический, конечно, но еще вполне устойчивый мир, в основании которого лежит кровная, этническая, духовно-религиозная родственность людей. Не случайно активно используемым источником для Доронина послужила этнографическая беллетристика XIX – нач. XX вв. Можно предположить, что распад родственности в революционные годы был показан писателем во второй, не дошедшей до читателя, части, но, видимо, были в ней какие-то существенные (в свете требований к ИРР) «ошибки», которые писатель «исправил», уничтожив рукопись. Отступления от канона ИРР не помешали публикации глав романа, но стали причиной его осторожных и двойственных оценок. Литературному партактиву нужен был роман более «выдержанный», но, за его неимением, место первого коми ИРР на время заняло сочинение Доронина.

С задачей художественного исследования истоков революции, как считается, более последовательно справился В. В. Юхнин. В советской литературной критике его роман «Алõй лента» («Алая лента») был назван значительным событием «не только в коми, но и в финно-угорской литературе России и во всей российской литературе» [12. С. 7]. В этом романе отчетливо проступают две проблемные линии, первая из которых – обязательная, а вторая – факультативная, слабо улавливаемая, тем не менее позволяющая говорить об историко-революционном содержании книги в терминах «поэтики подставных проблем» [15. С. 358].

Роман В. Юхнина начали печатать в 1939 г. в журнале «Ударник», а в 1941 г. он вышел отдельным изданием*. В кратком пересказе текст его соответствует описанию любого ИРР: «В его центре – борьба непримиримых классовых сил, двух социальных лагерей. На страницах романа жизнь представлена в сложности социальных конфликтов, в разнообразии человеческих судеб. Показывая типичные обстоятельства жизни дореволюционной деревни, писатель прослеживает, как постепенно рушатся патриархальные устои крестьянской семьи, как восприятие идей социализма от политссыльных и отходников способствует рождению новых отношений между людьми» [10. С. 60].

* О драматической истории романа «Алая лента», части которого, написанные в 1939 и 1955 годах, кардинально отличались друг от друга, и романа «Огни тундры», усилиями редакторов превращенного в нормативный текст, см.: [6].

Так же как и в романе П. Доронина, в основе сюжета «Алой ленты» лежит история одного типичного села и обычной семьи. Степан Ошлапов – охотник из села Важгорт, мастер своего дела, семья которого, тем не менее, имеет скромный достаток из-за несправедливого экономического уклада. Младший сын Степана Илья Ошлапов в молодости батрачит на кулака Сирвойтова и мечтает всего лишь о сытой жизни в справной одежде и со звучной гармошкой. Но ссыльный учитель Степанов и доктор Масашвили учат его объяснять происходящие вокруг события с классовой точки зрения. Герой отправляется на заработки на Урал, в Прикамье и сначала участвует в забастовке, а потом и сам организует ее в Важгорте, предлагая подрядчику свои условия работы. Параллельно развивается любовная линия: Илья демонстрирует душевное благородство в отношениях со своей односельчанкой Верой.

Хорошие революционеры помогают трудолюбивым и пытливым представителям коми народа понять происходящие общественные процессы. История Ильи – очевидный парафраз судьбы Павла Власова из горьковского романа «Мать», и оформлен он по складывающимся в русском романе композиционным правилам, когда эпически неторопливая первая (условно – этнографическая) часть сменяется бурной (условно – исторической) второй. Действие в романе Юхнина разворачивается в рамках конвенции ИРР: «было – стало» с неизменным изображением «ставшего» как лучшего. Главное событие в жизни героев и всего народа коми – выход из национальной замкнутости, включение в общероссийскую политическую жизнь.

Не менее значима в романе увиденная с поверхности идеологическая проблема национального самосознания коми. Независимый и разносторонний анализ этой проблемы был невозможен в условиях конца 1930-х гг., но перенесенная в речь и мысли персонажей, пунктиром проходящая через весь роман, она придает глубину и своеобразие, на первый взгляд, типичному ИРР. Текст, написанный в строгих рамках жанра, явно становится поводом для рассказа об истории коми.

В. В. Юхнин подробно передает особенности уклада коми, обращая внимание читателей на непривычное (например, людям из другого региона) сочетание обычаев, связанных с почитанием православных святынь и охотничьей деятельностью лесного народа (глава «День покрова – охотничий праздник»). В сильной позиции – начале глав – автор рассказывает о представлениях коми, их традициях и обычаях. Как специфическую черту воззрений коми В. Юхнин выделяет сосуществование в их мировоззрении языческого и христианского. Это не могло быть непосредственно отрефлексировано в тексте, но могло быть – и было – изображено, хотя, соответственно идеологическим конвенциям, с негативными коннотациями.

Наряду с историческими ретроспекциями, расширяющими хронологические границы романного мира, текст романа содержит многочисленные подробности хозяйственной жизни края в специфических чертах, свойственных разным локальным группам коми: упоминаются крестьяне-отходники, пыелдинские портные, визинские пимокаты, прилузские льноводы, вымские солевары, «искатели подземных сокровищ в лесах Ижмы и Ухты» [16. С. 18]. Все это создает общий, претендующий на достоверность, социально-экономический портрет коми крестьянства, одинаково эксплуатируемого вне зависимости от рода занятий.

«Алая лента», как нам представляется, должна была закрепить в жанре национального романа достижения литературной «зырянники», стать этапом на

пути литературного самопознания народа. Не случайно в одном из выступлений писатель назвал идею своего произведения «внутринациональной» [17. С. 56].

Но сразу после появления глав романа в печати Юхнин фактически был обвинен в непонимании задач дня. Особую досаду вызывало внимание писателя к традиционному укладу жизни северян. Этнографическая составляющая в романе оказалась столь велика, что актуальность «Алой ленты» как произведения, призванного воплотить образ ожидаемой предреволюционной действительности в Коми крае, была поставлена под сомнение. От Юхнина потребовали освободить роман от «лишних» бытовых подробностей, вывести на первый план классовое расслоение коми деревни, вписать ее жизнь в общее движение российских народов к революции. Чтобы выполнить эти требования, писатель изменил пространственные характеристики романа, охватив описанием сезонные работы на уральских и прикамских лесопильных заводах. Это позволило ему ввести разнонациональный состав действующих лиц, показать влияние на коми более передовых в политическом отношении народов, а также выразить универсальную закономерность стремительного перелома в политическом сознании российских народов в начале XX века.

Вместе с тем писатель отстаивает нравоописательную сюжетную линию. Сцены охоты, красочные и подробные описания деревенских праздников, молодежных посиделок на страницах романа были не только сохранены, но и умножены. Верность Юхнина народоведческой задаче обнаруживается и на уровне предметно-пластического мира: в подробных описаниях северной деревни и ее окрестностей, архитектуры и внутреннего убранства домов, в особом внимании к предметной составляющей жизни героев. Подобные фрагменты романа выбиваются из историко-революционной фабулы, по своей композиционно-стилевой структуре гранича с народоведческим очерком.

Исключительную роль в создании этносферы романа играют фольклорные тексты, в изобилии присутствующие на его страницах, особенно в первой редакции романа (1939). Образцы устного народного творчества вводятся в текст произведения в форме прямых цитаций и почти все относятся к речевой «практике» персонажей, которые исполняют песни, рассказывают былички; кроме того, внутренние монологи героев пересыпаны пословицами и поговорками. Избыточность фольклорного материала, выходящего за пределы сюжетной необходимости, обнажает авторскую задачу составить как можно более полное представление о самобытности народа и его творчества. Характерно, что такое активное подключение этнографического и фольклорного материала воспринималось переводчиками «Алой ленты» (литераторами из «центра» А. Дмитриевой, Н. Бузикошвили и А. Шишко) как недостаток произведения, который необходимо устранить: «Песни и танцы у отца Ильи в избе хорошо бы подсократить, а вообще лучше убрать, потому что посиделок будет много и дальше...» – и т. п. [8. С. 327]. Однако жертвовать этнографическим элементом писатель не хотел, так как, очевидно, решал важнейшую для себя проблему символической видимости культуры коми в пространстве России и СССР.

Практически всем носителям русской культуры в романе (как скучающей буржуазной молодежи, так и вполне прогрессивным интеллигентам) свойственно снисходительно-покровительственное отношение к культуре северян. Так, Вера, попав в господский дом на Украине, оказывается, по словам управляющего

имением, «редко встречающимся экземпляром» [16. С. 271]: «Перед вами зырянка... Я, конечно, слышал, что где-то живут гиляки, чукчи, самоеды, зыряне. Но не стану скрывать от вас свою неосведомленность» [16. С. 272]. После чего «ученая молодежь» воспроизводит стереотипные суждения о «скованной льдами пустыне», где «люди живут, как в первобытные времена, быстро вырождаются, и говорить о какой-либо культуре, конечно, не приходится», и цитирует строки Афанасия Фета о том, что «к зырянам Тютчев не придет» [16. С. 273].

Собственно, задача В. Юхнина и состояла в том, чтобы показать неправомочность подобных оценок северных народов. История, быт и культура края своеобразны, но социально-экономическая картина жизни края подобна той, что есть в центре России: «немногочисленные деревенские богатеи стремительно набирали силу за счет разорения остальной деревенской массы» [16. С. 96].

Этнографический материал, в изобилии включенный в схему историко-революционного романа, дал писателю возможность изобразить патриархальный быт, не отходя от традиций партийной патетики и государственной дидактики. В дальнейшем по аналогичной схеме будут созданы романы «Кык друг» («Два друга», 1952) и «Изьва гызьё» («Ижма волнуется», 1959) Я. М. Рочева, «Когда наступает рассвет» (1956) Г. А. Федорова и ряд других. Эта тенденция показывает, что между государственной издательской машиной, решающей свои политические задачи, и писателями, которые хотели опубликоваться, но в то же время рассказать об истории, традициях и обычаях своего народа, было достигнуто негласное соглашение, воплотившееся в специфической форме ИРР на местном материале.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Васильева О. В.* Исторический роман: традиция и жанр // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 1998. Сер. 2. Вып. 4. № 23. С. 24–32.

2. *Доронин П. Г.* Антирелигиозные взгляды И. А. Куратова // За новый Север. 1939. 2 октября.

3. *Доронин П. Г.* Творчество И. А. Куратова. Сыктывкар: Коми госиздат, 1939. 89 с.

4. *Лимерова В. А.* «Тундраса бияс» («Огни тундры») В. В. Юхнина как неудавшийся опыт производственного романа в коми литературе // Литература Урала: история и современность: сб. ст. Вып. 6. Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2011. С. 249–258.

5. *Оскоцкий В. Д.* Роман и история. М.: Художественная литература, 1980. 382 с.

6. *Остапова Е. В.* В. Юхнинлысь «Алӧй лента» роман роч кывйӧ вуджӧдан историяысь // Тайӧ сьылӧм – коми олӧм. Коми литературалы подув пуктысьяс йылысь уджъяс. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2008. С. 324–330.

7. *Пахорукова В. В.* Коми литература 30-х гг. Проза // История коми литературы: в 3 тт. Т. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. С. 247–261.

8. *Пахорукова В. В.* Василий Васильевич Юхнин (1907–1960) // История коми литературы: в 3 тт. Т. 3. Сыктывкар, 1981. С. 56–69.

9. *Петров С. М.* Русский советский исторический роман. М.: Современник, 1980. 412 с.

10. Писатели коми: библиографический словарь. Сыктывкар: Науч. библ-ка Республики Коми; Коми науч. центр УрО РАН. Т. 1. 1995. 372 с.

11. *Рассыхаев И.* Коми художественная литература. Краткий очерк // Юргӧ парма. Сыктывкар: Коми госиздат, 1946. С. 3–20.

12. Удонова З. М. Основные этапы развития советского исторического романа. М., 1961. 49 с.
13. Чудакова М. О. Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М.: Языки славянской культуры, 2001. 468 с.
14. Юхнин В. В. Алая лента. М.: Современник, 1974. 464 с.
15. Юхнин В. В. Скидка кад важён нин коли // Войвыв кодзув. 1961. № 5. С. 56–57.
16. Юхнин В. В. Шувгёны пожёмьяс // Войвыв кодзув. 1961. № 3. С. 13–32

Поступила в редакцию 07.04.2016

V. A. Limerova, M. A. Litovskaya

Peculiarity of the Historical and Revolutionary Novel in the Komi Literature of the 1930s–1950s

The authors studied the historical and revolutionary novel's genre and content specifics on the basis of ethnic (Komi) material. According to the authors in the 1930s this genre evolved at the junction of two intentions – the symbolic “alignment” of the center and the periphery in the USSR, creation of a unified national history, and the ethnic authors' gravitation towards the ethnographic self-description going back to the early ethnographic essays. The authors analyzed the Russian translation of the final version of VasiliyYukhnin's novel “Scarlet Band” as the first in its class completed Komi historical and revolutionary novel, which marked the beginning of this tradition.

Keywords: Soviet Komi literature, genre system of socialist realism, historical and revolutionary novel, Pavel Doronin, VasiliyYukhnin.

Лимерова Валентина Александровна,

кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
167982, Россия, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: juva64@yandex.ru

Литовская Мария Аркадьевна,

доктор филологических наук, профессор,
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620142, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 99
E-mail: marialiter@gmail.com

Limerova Valentina Alexandrovna,

Candidate of Sciences (Pedagogy), Senior Research Associate,
Komi Research Centre
Institute of Language, Literature and History
167982, Russia, Syktyvkar, Kommunisticheskaya St., 26
E-mail: juva64@yandex.ru

Litovskaya Maria Arkadevna,

Doctor of Sciences (Philology), Professor,
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin.
620142, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta St., 99
E-mail: marialiter@gmail.com